

0
M509

№ 150

ИЗДАНИЕ

состоящаго под Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ покровительствомъ Всероссийскаго Александро-Невскаго Братства Трезвости.

О ЗАВѢТАХЪ
М. В. ЛОМОНОСОВА

РОДНОМУ
РУССКОМУ НАРОДУ.

Протоіерей *Петръ Миттовъ.*

3597к

Библиотека Севера

98656

ПЕТРОГРАДЪ.

Гипографія 1-я Петрогр. Труд. Арт. Лиговская, 34.

1915.

О завѣтахъ М. В. Ломоносова родному русскому народу *).

„Храни заповѣдь отца
твоего“.

Притч. VI. 20.

I.

Вѣками копится, по каплямъ собирается то идейное богатство, которымъ питается душа народная и изъ котораго, главнымъ образомъ, создаются такъ называемые историческіе устои общественнаго самосознанія. Кто станетъ оспаривать ту несомнѣнную истину, оправдываемую опытомъ исторіи, что настоящее и будущее всякой законмѣрно развивающейся страны своими глубокими корнями уходитъ въ далекое прошлое. Пользуясь завѣтами своего историческаго прошлаго, движется впередъ и наша русская жизнь. И если мы не хотимъ сойти съ почвы такого законмѣрнаго развитія, если не хотимъ оторваться отъ родныхъ корней,—то мы должны свято беречь преемственность историческихъ идей. Мы не должны отрекаться отъ своего дорогого наслѣдства, какое намъ

*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Общества „Русское Зерно“ въ клубѣ общественныхъ дѣятелей.

даютъ священные завѣты нашей родной, отечественной исторіи.

Чувство благоговѣйнаго уваженія и благодарной памяти къ тѣмъ, кто собиралъ это наслѣдство и силой идейнаго подвига ковалъ крѣпость и мощь русскаго духа,—здѣсь самое законное чувство.

Отдавая должную дань такому почтенному чувству, русскіе люди и праздновали 8-го ноября 1911 года свой національный праздникъ 200-лѣтія со дня рожденія перваго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова, а 4-го апрѣля 1915 года день 150-лѣтія со времени его смерти. Большинство торжественныхъ собраній, какъ это и подобаетъ въ православной странѣ, начиналось молитвеннымъ поминовеніемъ незабвеннаго имени Ломоносова. Торжественно и проникновенно вездѣ прозвучала „вѣчная память“ принопамятному рабу Божію Михаилу. Этимъ выражено было, между прочимъ, и общее молитвенное пожеланіе, чтобы память о Ломоносовѣ „съ похвалами“ передавалась отъ потомства къ потомству, чтобы дивный образъ его какъ можно глубже вошелъ въ народное самосознаніе, чтобы завѣты его великой жизни сдѣлались живымъ достояніемъ и завѣтами всего русскаго народа.

Выдвинуть изъ дали прошлаго мощный самобытный образъ Ломоносова въ настоящій переживаемый нами историческій моментъ особенно полезно. Въ пору безвременья и „лишнихъ людей“, когда общее разочарованіе, какъ ѣдкій, ползучій туманъ разстилается и расплзается по нашей землѣ—какъ это было до начала настоящей воен-

ной грозы,—когда вязкая и топкая тина обыденщины властно захватываетъ и хоронитъ наши лучшія силы, когда всёми чувствуется какъ бы общее наше идейное оскудѣніе, когда самооплеваніе сдѣлалось какой-то особой болѣзнью русскаго человѣка, — въ это-то время особенно отраднымъ является напоминаніе о томъ, что „*можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ земля Россійская рождать*“.

И если чествованіе памяти Ломоносова является общимъ національнымъ праздникомъ русскаго народа, то тѣмъ болѣе оно является праздникомъ нашего трудового крестьянства.

II.

Ломоносовъ — сынъ народа. Его дѣйствительно *родила русская земля*, низъ, нижній пластъ ея — крестьянское сословіе. Какимъ бы пышнымъ цвѣтомъ ни расцвѣла впоследствии наша поэзія и литература, какъ далеко ни шагнула бы впередъ русская наука, — но онѣ не могутъ отречься отъ сознанія, что Ломоносовъ — *отецъ* русской поэзіи и русской науки. Однако, мы говоримъ это не для того, чтобы опредѣлять его значеніе въ этихъ областяхъ нашего идейнаго творчества. Пусть это сдѣлаютъ присяжные представители русской научной мысли и русскаго художественнаго творчества. Мы хотимъ здѣсь остановить вниманіе нашихъ читателей на другой сторонѣ вопроса, на тѣхъ глубокихъ психологическихъ переживаніяхъ, которыми былъ запечатлѣнъ каждый шагъ въ жизни Ломоносова, въ его восхожденіи отъ положенія

архангельскаго помора до высоты перваго русскаго ученаго, и которыя останутся навсегда лучшими жизненными завѣтами его для русскаго народа.

Что-то сказочное, героическое, поднимающее духъ—чувствуется въ повѣствованіи о томъ, какъ „*Архангельскій мужикъ по своей и Божьей волѣ сталъ разуменъ и великъ*“.

Для нашего времени вся жизнь Ломоносова звучитъ призывомъ къ работѣ, къ упорной борьбѣ за свѣтлые идеалы, къ бодрости и крѣпости нашего русскаго духа.

И если въ періодъ „нашихъ сѣрыхъ будней“ было отрадно своею мыслию остановиться на томъ, кто является виновникомъ настоящаго праздника, то тѣмъ болѣе это надо сказать про настоящіе дни, когда отрезвѣвшій и образумившійся русскій народъ стоитъ на поворотѣ къ забытымъ началамъ родной русской жизни. Вѣдь имя Мих. Вас. Ломоносова — это побѣдный кличъ, побѣдное знамя торжества русской идеи, а вся его жизнь это — лучший завѣтъ для всего русскаго народа.

III.

И удивительно здѣсь сочетались, сложились въ какую-то сказочную картину внѣшнія обстоятельства жизни Ломоносова съ его внутренними переживаніями. Перенеситесь мыслию къ младенческой колыбели отца русской поэзіи и науки. Что вы увидите тамъ? Курная хата архангельскаго помора... Отецъ—простой русскій мужичекъ. Мать—духовнаго рода. Глухой, далекій сѣверъ. Закинутая въ глубь снѣжныхъ сугробовъ—деревня.

Кругомъ —неоглядная, мертвая степь, покрытая блестящимъ, но холоднымъ саваномъ чуть не вѣчной зимы... Длинные, темныя полярныя ночи... Всплески холоднаго Бѣлаго моря... Непривѣтливая обстановка тощей, бѣдной сѣверной природы. И трудъ — страшный, изнуряющій, съ постоянной опасностью для жизни...

И вотъ, въ этой-то, точно забытой солнцемъ странѣ родится тотъ, кто сталъ впослѣдствіи какъ бы солнцемъ русской поэзіи и науки, — ктодохнулъ на эту область творческаго русскаго духа всеоживляющимъ дыханіемъ весны.

Гдѣ скопились такія богатая силы русской души, воплощеніемъ которыхъ былъ Ломоносовъ?

Не вдругъ, не какимъ-либо мгновеннымъ озареніемъ, а постепенно, путемъ могучей борьбы съ условіями жизни вскипали и нарождались эти силы, которыя и брызнули потомъ могучей струей русской научной самобытной мысли и зазвенѣли гармоническимъ аккордомъ звонкаго живого стиха. Казалось бы, здѣсь, въ царствѣ холода и почти нетающихъ снѣговъ, въ царствѣ общей смерти, гдѣ тощая растительность говоритъ о томъ, что все рождающееся здѣсь обречено на хилое прозябаніе, если не на общее вымираніе,—гдѣ жизнь отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть, а смерть царствуетъ непобѣдимо и властно,—казалось бы въ такой обстановкѣ должны бы застыть все пламенные и свѣтлые порывы великой души Ломоносова.

Но „тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“.

И могучая натура Ломоносова не поддавалась тяжкимъ ударамъ судьбы: изъ отчаянной борьбы съ нею онъ вышелъ побѣдителемъ.

Не легкоъ былъ путь, которымъ прошелъ Ломоносовъ. Ему пришлось пробиваться сквозь цѣлый рядъ препятствій, точно стѣной отгородившихъ его отъ источниковъ свѣта и знанія. Требовались героическія усилія, чтобы пробить эту стѣну, чтобы одолѣть всѣ преграды, которыя ставила ему судьба, какъ бы въ доказательство того, что и идейныя теченія на пути своего роста встрѣчаются также съ стихійной силой зла. И эта сила не меньшая, чѣмъ какую мы наблюдаемъ и въ мірѣ физическомъ, гдѣ съ поучительной наглядностью доселѣ оправдывается Божественное предопредѣленіе относительно земледѣльческой культуры. Кто не знаетъ, что проклятая за грѣхъ человѣка земля даетъ большій просторъ для роста и развитія сорныхъ растений, чѣмъ чистой пшеницы. Въ то время, какъ благородныя растенія требуютъ ухода и подвержены тысячамъ опасностей, способныхъ заглушить ихъ ростъ,—растительный соръ непобѣдимъ въ своемъ распространеніи.

То же самое наблюдаемъ мы и въ мірѣ идейныхъ теченій. Міръ физическій является лишь зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ такую же картину борьбы нравственныхъ силъ. Зло моральное, какъ и зло физическое, отличается такой же жизнестойкостью въ борьбѣ за свое существованіе и съ такой же легкостью завоевываетъ себѣ успѣхъ. Его росту все благопріятствуетъ. Но добро встрѣчается на своемъ пути всегда преграды, которыя

всякій идейный порывъ, доведенный до конца, дѣлають подвигомъ, иногда равнымъ мученичеству.

Все это оправдалось и на жизни Ломоносова. Косныя силы ополчились на него, готовыя погасить въ немъ ту Божью искру таланта, которая съ раннихъ лѣтъ затлѣлась въ его душѣ. Но ни перво-бытная обстановка его младенческой жизни, ни сугробы далекаго сѣвера, ни невѣжество окружающихъ его лицъ, ни духъ времени—не могли остановить русскаго, архангельскаго мужика въ побѣдномъ шествіи къ свѣту знанія.

Вдумчивымъ, расширеннымъ отъ удивленія глазомъ всматривается маленькій Миша въ окружающій его міръ.

Навѣвающія тоску темныя ночи и сѣверныя „*сполохи*“, способныя зачаровать красивымъ сочетаніемъ цвѣтовъ cadaго наблюдателя,—всѣ эти явленія природы какъ бы еще глубже внѣдряютъ въ него желаніе вырваться изъ духовной тьмы и невѣжества къ яркому свѣту знанія.

Жуткій страхъ передъ сѣверной тьмой, накидывающей на все свой мрачный покровъ, какъ бы переходитъ у него въ страхъ передъ другой, еще болѣе пагубной тьмой, тьмой духовной.

А съ другой стороны, волшебныя полярныя ночи, освѣщенныя сказочными огнями сѣверныхъ сіяній, и вся вообще дикая мощь сѣвера, гдѣ Мишѣ приходилось вѣдаться съ разными опасностями и вступать въ отчаянную борьбу съ грозными стихіями, закаляютъ его, воспитываютъ въ немъ выносливость и вѣру въ родную страну, въ

мощь ея великаго русскаго духа. Какъ орелъ изъ тѣсной клѣтки, сильная душа Ломоносова рвется къ простору мысли, къ благамъ знанія.

Его тянетъ неудержимо въ Москву, гдѣ онъ надѣется найти удовлетвореніе запросамъ своего просыпающаго великаго ума. Эта древне-русская столица кажется ему землей обѣтованной. И вотъ, какъ евреи чрезъ Синайскую пустыню, онъ идетъ чрезъ мертвую, пустынную снѣжную степь въ далекую Москву. Въ здѣшнихъ школахъ онъ жадно хватается за каждую крупицу знанія. Новый міръ открылся здѣсь предъ Ломоносовымъ. Впитавъ въ себя все, что только могла дать ему родная страна, онъ ѣдетъ потомъ на Западъ и хозяйскимъ, критическимъ умомъ разбирается здѣсь въ дарахъ западной культуры. При этомъ — онъ не отрывается отъ *родныхъ корней*. Его національный обликъ не стирается здѣсь. Скинувъ армякъ и полушубокъ, надѣвъ нѣмецкіе ботфорты, Ломоносовъ, однако, сумѣлъ остаться русскимъ человекомъ, съ той широкой открытой русской душой, на которой какъ бы отпечатлѣлась безграничная даль его родины. Ломоносовъ, дѣлая успѣхи въ нѣмецкой наукѣ и удивляя ими нѣмцевъ, въ то же время мыслилъ и чувствовалъ по-русски. Онъ не стыдился своей темной, невѣжественной, дикой, полуварварской родины. Въ его отношеніяхъ къ ней нѣтъ и тѣни того хамства, которое составляетъ отличительную черту многихъ современниковъ. Ломоносовъ любитъ Русь любовью преданнаго сына и эту любовь къ роднымъ началамъ русской жизни, какъ вѣчный завѣтъ, онъ передаетъ своему

потомству. Изъ дали прошлаго дивный образъ русскаго самородка какъ бы говоритъ русскимъ людямъ: берегите свое родное, не обрывайте тѣхъ корней, которыми вы росли въ свою русскую почву. Берите примѣръ съ законовъ растительной жизни. Чѣмъ глубже дерево проникаетъ своими корнями въ землю, тѣмъ могущественнѣе его ростъ; чѣмъ больше выбираетъ оно изъ окружающей среды питательныхъ соковъ, тѣмъ выше возносится его вершина. Заимствуйте изъ западной культуры все нужное и полезное. Прививайте это къ роднымъ самобытнымъ корнямъ, двигайте впередъ русскую жизнь, но бойтесь потерять органическую связь съ святыми завѣтами прошлаго.

Есть трава, которая растетъ безъ корней. Ее зовутъ—„перека́ти-поле“. По капризу вѣтра перемѣщается это растеніе съ одного мѣста на другое. У него нѣтъ родной почвы. Такъ бываетъ съ человекомъ, который отрывается отъ исконныхъ началъ жизни своего народа. Такъ создаются тѣ жалкіе „безпочвенники“, которыми богато наше время.

IV.

Ломоносовъ, явившій своею жизнію первый геніальный порывъ національныхъ духовныхъ силъ своего народа, даетъ великій завѣтъ своимъ потомкамъ идти впередъ, пробиваться къ новымъ, болѣе широкимъ горизонтамъ знанія, не разрывая живой, органической связи съ той почвой, „гдѣ мы впервые вкусили сладость бытія“.

Приобщивши русскую мысль къ міровой культурѣ, поднявъ русскій умъ на высоту научнаго міросозерцанія, Ломоносовъ не всталъ во враждебное отношеніе къ самобытнымъ началамъ жизни и психологіи русскаго народа. Чѣмъ больше крѣпль его умъ, чѣмъ больше расширялись его познанія, чѣмъ больше давалъ ему Западъ, тѣмъ безграничнѣе любилъ онъ свою убогую сермяжную Русь. Подъ ея невзрачной сермягой онъ сумѣлъ разглядѣть великія силы души народной, которыя обѣщали развернуться во всемъ обаяніи своей подкупающей красоты и величія. Онъ любилъ православную вѣру, вспоившую и вскормившую богоносную душу русскаго человѣка. Любилъ родной русскій языкъ, Богомъ данный великому народу, и находилъ въ немъ „великолѣпіе гишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка“. Словомъ,—своей богатырской душой Ломоносовъ слился съ стихійными силами народнаго духа, вобравъ отсюда въ себя все сильное, здоровое, способное къ культурѣ. Потому-то разгадать сложный, величавый образъ Ломоносова, отъ рыбацкаго челна поднявшагося до высоты вершинъ тогдашней европейской науки, невозможно внѣ исторической психологіи русскаго народа. Онъ становится понятнымъ только тому, кто сумѣетъ заглянуть въ глубокіе тайники русской души, всегда и во всемъ ищущей Бога и святой правды Его. И то, что Ломоносовъ не измѣнилъ, остался вѣренъ національнымъ началамъ

русской жизни, сообщает особенную красоту и цѣнность всей его личности.

V.

Чуждый скепсиса и раздвоенія, но со смѣлыми взлетами критической мысли, онъ сумѣлъ удержаться на точкѣ равновѣсія между религіей и наукой, сумѣлъ понять, что это двѣ силы, дѣйствующія въ разныхъ плоскостяхъ, но направляющія жизнь и творчество человѣка къ одной общей цѣли. Научная мысль и религіозное чувство не только не приходили въ немъ во враждебное столкновение другъ съ другомъ, но, напротивъ, какъ двѣ гармоничныя струны, усиливали другъ друга, очищаясь отъ несродныхъ ихъ истинной природѣ примѣсей и элементовъ, вырождающихся часто въ научные и религіозные предрасудки. Отграниченный научнымъ мышленіемъ умъ Ломоносова, какъ дорогой алмазь, представлялъ собою именно ту среду, въ которой чистый лучъ божественной истины съ особеннымъ блескомъ могъ играть и сіять разноцвѣтными огнями. Очами вѣры и науки смотрѣлъ Ломоносовъ на міръ Божій и, какъ онъ самъ говоритъ, предъ нимъ всегда открыты были двѣ книги: евангеліе, гдѣ онъ читалъ волю Божію, и природа, которая была для него тоже евангеліемъ, благовѣствующимъ о творческой силѣ, премудрости и величіи Творца. „Не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію“, — писалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій Ломоносовъ.

Въ духовныхъ произведеніяхъ отца русской поэзіи и науки со всей ясностью обрисовываются религіозныя стороны его духа. Слово Божіе, какъ неизсякаемый родникъ священной поэзіи, давно влекло къ себѣ его еще юное сердце. А когда созрѣлъ и окрѣпъ его умъ, это увлеченіе нашло выраженіе въ его оригинальномъ творествѣ, гдѣ восторженное удивленіе предъ могуществомъ Творца сдѣлалось основнымъ мотивомъ его духовныхъ произведеній. Нѣкоторые изъ нихъ являются прямо-таки величавымъ гимномъ Промыслителю вселенной, Который

„все на пользу нашу строитъ“ 1

Это чисто христіанское убѣжденіе и спасало Ломоносова отъ отчаянія, отъ упадка духа въ его, дѣйствительно, иногда отчаянныхъ обстоятельствахъ. Но оно не ослабляло въ немъ того одушевленія, съ какимъ онъ боролся противъ „враговъ Бога...“ Для Ломоносова такими „врагами Бога“, противниками божественной воли были всѣ „недоброхоты“ Россіи и русской науки.

Такъ, ученикъ Лейбница и Вольфа сумѣлъ безъ труда установить мудрое равновѣсіе между наукой и религіей. Но онъ не ограничился личнымъ сознаніемъ. Ломоносовъ хотѣлъ, чтобы весь русскій народъ призналъ ихъ равноправіе.

„Не здраво разсуждаетъ математикъ, — говоритъ Ломоносовъ, — ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, ежели онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи или химіи. Толкова-

тели и проповѣдники Свящ. Писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведникамъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ, кромѣ божеской силы, великолѣпія природы, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному со благоговѣніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры. Правда (наука) и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери Всевышняго Родителя, никогда межъ собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто, изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія, на нихъ вражду всплететъ“.

Благоговѣя предъ Словомъ Божіимъ, глубоко постигая истинную природу сверхъестественнаго и естественнаго откровенія, М. В. Ломоносовъ высоко цѣнилъ сочувствіе св. Отцовъ къ природѣ и желаніе ихъ помирить изученіе ея съ религіей.

„О, если бы въ ихъ время,—сказалъ онъ однажды,—извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ! Съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣльствахъ величія, мудрости и могущества Творца“.

Устанавливая нормы отношеній между вѣрой и знаніемъ, Ломоносовъ въ то же время сдѣлалъ идеалы вѣры идеалами жизни. Для него вѣра была не отвлеченнымъ умозрительнымъ принципомъ, не безплоднымъ схоластическимъ наростомъ,

а той великой творческой силой, которая въ самой жизни раскрываетъ богатство таящихся въ ней потенцій, какъ растительное зерно, брошенное въ почву.

Извѣстно, что при археологическихъ раскопкахъ въ нѣкоторыхъ гробницахъ встрѣчаемы были сосуды съ зёрнами пшеницы. Нѣсколько тысячулѣтій пролежали эти зёрна въ темнотѣ саркофаговъ, ничѣмъ не проявляя своей жизни. Но когда вынесли ихъ на свѣтъ и разбросали по распаханному полю,—то эти „спящіе мертвецы“ ожили, пустили ростки.

Такъ идетъ въ ростъ и зерно вѣры Христовой, гдѣ оно встрѣчаетъ живую душу, не скованную предразсудками вѣка, не засоренную тупымъ невѣжественнымъ самодовольствомъ. „Въ злохудожную же душу, по слову Библии, не увидеть не только вѣра, но и премудрость“.

Приготавливая поле для посѣва, обыкновеняно, съ него выбираютъ камни и соръ. На засоренныхъ мѣстахъ не появится всходовъ. Такъ и въ дѣлѣ идейныхъ посѣвовъ. „Осуетившееся въ человѣческихъ похотѣнїяхъ сердце“, въ которомъ дикая поросль всякихъ предразсудковъ глушитъ истинныя чувства, будетъ не „землей благою“, а могилой, темнымъ саркофагомъ для такого посѣва.

Нужна большая работа каждому изъ насъ надъ самимъ собой. Нужна культура духа, тщательная разработка всѣхъ его силъ. И тогда въ нѣдрахъ его зерно вѣры Христовой найдетъ для себя благоприятную почву и принесетъ „плодь многій“. Все это оправдалось въ великой жизни Ломоносова.

Вотъ почему ему удалось не только примирить религію и науку, но и сблизить, породнить между собою вѣру и жизнь.

Вотъ почему также разнообразныя вѣянія философской мысли Запада не развѣяли въ его душѣ исконныхъ началъ православнаго вѣросознанія: онъ не только *вѣрилъ*, но онъ и *жилъ этой вѣрой*, одушевлялся ею въ своемъ служеніи на благо русской науки. Потому-то вся его жизнь и вырастаетъ въ цѣлокупный героической подвигъ, — ибо корнемъ, основой ея была вѣра, убить которую значило здѣсь убить и самую жизнь. Ломоносовъ былъ подвижникомъ, когда только что еще подходилъ „*ко вратамъ своей учености*“, когда самоотверженно шагаль за обозомъ въ Москву; но онъ и остался имъ, когда судьба увѣнчала его уже именемъ перваго русскаго ученаго. И въ этомъ смыслѣ жизнь Ломоносова является для насъ дѣйствительно дорогимъ нравственнымъ наслѣдствомъ, хранящимъ въ себѣ неумирающіе великіе завѣты русскому народу. Во всемъ величій и объемѣ ихъ не исчерпать намъ въ краткомъ словѣ. Но если перевести ихъ на лаконическій языкъ, — то все содержаніе этихъ завѣтовъ можно выразить кратко тремя повелительными словами, которыя изъ дали прошлаго великій предокъ какъ бы плетъ своимъ соотечественникамъ — потомкамъ и которыя золотыми, неизгладимыми буквами мы должны начертать на своемъ національномъ знамени, — это:

„*Молись, трудись, учись*“.

Пусть же это побѣдное знамя съ такимъ священнымъ девизомъ призывно развѣвается надъ поборниками національной идеи. И пусть все, что въ жизненныхъ схваткахъ, въ своей борьбѣ за идеалы приобрѣтутъ наши родные бойцы, одушевляемые великими завѣтами нашего историческаго прошлаго,—пусть все это отдадутъ они на служеніе Богу и родинѣ.

Протоіерей *Петръ Миртовъ.*

